

ISSN 0203-5847

ноябрь – декабрь

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА 2007 6

В НОМЕРЕ

Александр Семочкин. Вдали от вечности

Письма Бориса Зубакина Владимиру Пясту

Георгий Ландау. Из воспоминаний дрянного мальчишки

Вежливость как характеристика речевого поведения человека

Юрий Запесоцкий

Неожиданный Лихачев

Юрий Александрович Запесоцкий, старший преподаватель Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, научный руководитель агентства «Pro Name».

В стране завершилось празднование столетия со дня рождения академика Д.С. Лихачева. Юбилей оказался делом небесполезным с научной точки зрения. Активная дискуссия, состоявшаяся по поводу наследия ученого, существенно изменила понимание сути его трудов.

До последнего времени Дмитрий Сергеевич в академической «табели о рангах» был прописан только по линии литературоведения. Сегодня уже очевидно, что это неверно. Академик Лихачев являл собой практически забытый к XX веку тип ученого-энциклопедиста, продуктивно работавшего едва ли ни во всех областях гуманитарного знания. Ему удалось создать свою собственную, целостную теорию и историю культуры. Нельзя назвать какую-то одну из его работ, логично и последовательно излагающую взгляды на данную тему. Не все положения одинаково глубоко проработаны. Но, тем не менее, целостное учение Лихачева о культуре существует. В основных чертах оно содержится в сборнике работ «Избранные труды по русской и мировой культуре»¹, выпущенном нашим университетом.

В предисловии к книге Л.Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая степь» Д.С. Лихачев пишет: «Спорить с Л.Н. Гумилевым по частностям мне не хочется: в его концепции все они имеют подчиненный характер. Л.Н. Гумилев строит широкую картину, и ее нужно принимать или не принимать как целое»². Это высказывание удивительно точно подходит к исторической теории самого Д.С. Лихачева.

Принципиально важно, что Дмитрий Сергеевич понимает историю человечества как в первую очередь историю культуры. Характерно, что он вообще не видит в экономике и производстве «базиса», а в культуре – «надстройки», как это было принято совсем недавно в советской науке. Базис, основа основ, по Лихачеву, – это культура: «Культуре принадлежит первенствующее место в жизни народа и государства»³, – говорит он на заседании Президиума Российского фонда культуры в 1992 году. Отсюда и его основополагающий интерес: познать суть России через ее культуру, в динамике становления и развития. По Лихачеву, Россия – великая страна, европейская по типу своей культуры. Более того – самая европейская из всех стран Европы.

Главное, по Лихачеву, событие в отечественной истории – принятие христианства. Принципиально оппонируя как сторонникам русско-славянской исключительности, так и «евразийскому» пониманию российской самобытности Лихачев возвращает нас к пониманию исходного положения Руси на пути «из варяг в греки». В этой связи российская культура, как часть европейской, – личностная, она универсальна и основана на свободе творческого самовыражения. Через общеевропейское к всечеловеческому – такова лихачевская формула развития России. Даже соборность, которую обычно считают характерной чертой православного мира, Д.С. Лихачев полагал свойством универсально-европейским.

Лихачев-исследователь приходит к истории как бы от литературы. Исторический подход проявляется начиная с его ранних публикаций о литературе, когда уже в первых строках, а иногда даже в наименовании, автор дает читателю понять, что предметом его внимания является не просто то или иное явление, а его культурно-историческое измерение. В результате междисциплинарные связи литературы и истории поднимаются его трудами на качественно иной уровень. Разумеется, литература – свидетель истории. Более того – ее соучастник: «Русская литература – часть русской истории, – писал Лихачев, – она отражает русскую действительность, но и составляет одну из ее важнейших сторон. Без русской литературы невозможно представить себе русскую историю и, уж конечно, русскую культуру»⁴.

Под влиянием Д.С. Лихачева не только начинают «прочитываться» по-иному летописи, но и их значение для исторической науки становится более многомерным. Интересно, что до Лихачева вымысел и художественность значительно снижали в глазах историков ценность литературных произведений как исторических фактов, исторических памятников. Для него же вымысел и художественность сами по себе предстают историческими фактами. Особая субъективная включенность литературных памятников в культурно-исторический контекст эпохи делает их, по мнению Д.С. Лихачева, и особым историческим источником, усиливает привлекательность источника для истинного исследователя. «Ни одно произведение прежних веков, – писал Дмитрий Сергеевич, – не может быть объявлено "плохим историческим источником". Нет плохих исторических

источников, есть только плохие источниковеды»⁵. Конкретизируя это положение, он отмечал: «Само произведение – "осколок" прошлого и в качестве такого явления является свидетельством ошибочных или недостаточных представлений, существовавших о прошлом, памятником общественной мысли прошлого, свидетельством об эстетическом уровне прошлого и т. д.»⁶.

Применительно к «Слово о полку Игореве» академик писал еще более polemично, даже резко: «Если "Слово" – "сплошное вранье", то и это, как ни парадоксально это звучит, представляет собой источник чрезвычайного значения: "вранье" – свидетельство психологии своего времени... ибо в каждом обмане есть своя тенденция: общественная или просто эстетическая»⁷. Конечно, сам Д.С. Лихачев «Слово о полку Игореве» «враньем» не считал и, напротив, вел довольно жесткую полемику с теми, кто доказывал его более позднее происхождение. Но и будучи отделенной от полемического контекста, данная фраза имеет вполне самостоятельный, глубокий смысл, звучит весьма актуально и сегодня. Ведь некоторые исследователи по-прежнему явно недооценивают роль художественных произведений в качестве исторического источника, ставят их неизменно ниже, скажем, деловой переписки.

Во второй половине XX века ученый постепенно переходит от исследования литературы в ее историко-культурном контексте к исследованию культуры в целом. При этом наиболее ценной в памятниках литературы, шире – культуры для него является созидающая сила человеческого таланта. В различных произведениях Дмитрия Сергеевича настойчиво звучит мысль о том, что успешное развитие общества и отдельной личности возможно только на основе культуры. Можно сказать, что ученый предлагает культуроцентрическую концепцию истории. Для него неприемлема логика, по которой до сих пор строятся многие школьные и вузовские учебники: сначала очень подробно излагаются экономика и политика, а потом, в конце, между прочим, культура того или иного исторического периода, да еще поданная, как сухой перечень отдельных достижений в области науки и искусства.

Для Д.С. Лихачева исследование культуры означало, по всей видимости, исследование тех связей, того «внутреннего стержня», который создает структуру общества, направляет в значительной мере ход истории. В статье «Русская культура в современном мире» Д.С. Лихачев отмечал: «Учитывая весь тысячелетний опыт русской истории, мы можем говорить об исторической миссии России. В этом понятии исторической миссии нет ничего мистического. Миссия России определяется ее положением среди других народов тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов – больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом, прежде всего, культурным»⁸.

Анализируя многонациональный характер древнерусской культуры на примере литературы, Дмитрий Сергеевич писал о ее тесной связи с культурой запад-

ных и южных славян, византийской культурой. Он отстаивал тезис о европейском характере древнерусской литературы. «Литература, общая для южных и восточных славян, была литературой европейской по своему типу и в значительной мере по происхождению... Это была литература, близкая византийской культуре, которую только по недоразумению или по слепой традиции, идущей от П. Чаадаева, можно относить к Востоку, а не к Европе»⁹.

В монографии «Развитие русской литературы X–XVII веков» Д.С. Лихачев приходит к выводу, что наиболее сильное культурное воздействие оказывали на Русь не азиатские страны, а Византия и Скандинавия. Однако по характеру их влияние было неодинаковым. По мнению Д. Лихачева, «византийское влияние поднималось до сравнительно совершенных форм общения высокоразвитых духовных культур»¹⁰. На Русь проникали из Византии литературные и иконописные традиции, политическая и естественно-научная мысль, богословие и т. д. Влияние Скандинавии было другим и сказывалось прежде всего на военном деле, государственной организации, экономике¹¹. Но даже в этих областях оно являлось более поверхностным и неопределенным, чем византийское.

Влияние степных народов, по мнению Д.С. Лихачева, было гораздо более скромным, по своей сути архаичным. Исследователь также считал, что не следует преувеличивать воздействия на русскую культуру, общество и государство татаро-монгольского нашествия. Хотя оно и сопровождалось колоссальными разрушениями, было воспринято современниками, как вселенская катастрофа, большого воздействия на культуру Руси «степняки» не оказали. Намного большую роль, считал ученый, сыграло в судьбе страны культурное взаимодействие с Болгарией и Сербией¹².

В работах Дмитрия Сергеевича неоднократно рассматриваются те моменты в отечественной истории, когда нормальный процесс развития культуры нарушался, и те страшные катастрофы, которые за этим следовали. Соответственно оценивает он и отдельных исторических деятелей – не по успехам в войнах и захватах территорий, а по влиянию на развитие культуры.

Так, оценка личности и деятельности Ивана Грозного носит у Д.С. Лихачева негативный характер, несмотря на признание несомненных талантов царя, в том числе литературных: «Государство взяло на себя решение всех этических вопросов за своих граждан, казнило людей за отступление от этических норм всевозможного порядка. Возникла страшная этическая система Грозного... Грозный взял на себя невероятный груз ответственности. Он залил страну кровью во имя соблюдения этических норм или того, что ему казалось этическими нормами»¹³. Именно политический террор Ивана Грозного, по убеждению Д.С. Лихачева, способствовал подавлению личного начала в художественном творчестве и стал в результате одной из причин, воспрепятствовавших расцвету Возрождения в России.

В момент своего становления на общенациональном уровне (XIV–XV века) русская культура несет в себе с одной стороны черты уравновешенной, уверен-

ной в себе древней культуры, опирающейся на сложную культуру старого Киева и старого Владимира, с другой – в ней явственно сказывается органическая связь с культурой Восточной Европы.

В дальнейшем связь с Западной Европой осуществляется уже не через Балканы, не через южно-славянский культурный комплекс, а напрямую. Дмитрий Лихачев выдвигает свою версию Петровских реформ: государь привел Россию не из Азии в Европу, а из Средневековья в Новое время. Допетровская Русь была страной великой культуры Феофана Грека, Андрея Рублева, Сергея Радонежского. И это была европейская культура, только средневековая. Суть реформ заключалась не в повороте культурного развития, а в его резком ускорении за счет внедрения западноевропейской знаковой системы, развития науки и образования.

Взгляд Д.С. Лихачева на европейский характер культуры России определил и его взгляды на деятельность Петра I, ту оценку, которую ученый дал мероприятиям царя-реформатора в области культуры. Д.С. Лихачев вовсе не считал Петровскую эпоху временем разрыва с национальными традициями, отрицал популярный у многих авторов тезис о том, что якобы «Петр и его эпоха вырыли пропасть между старой и новой Россией»¹⁴. Ученый последовательно отстаивал тезис о европейском характере древнерусской культуры на протяжении всего ее существования. «Петровские реформы, – пишет Д.С. Лихачев, – были подготовлены не только явлениями XVII в. Эта эпоха явилась закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа к типу нового времени»¹⁵.

В многом именно понимание эпохи Петра I как логичного, закономерного этапа в развитии России и российской культуры и определило взгляд Д.С. Лихачева на сущность Петербурга. Ученый доказывает, что созданный в ходе реформ Петербург закономерно вобрал лучшие традиции русской культуры, европейской по своей сути, одновременно став городом общемировых культурных традиций. Ибо важнейшими особенностями европейской культуры, по Лихачеву, являются личностное начало, стремление к свободе и восприимчивость к другим культурам.

В лекции «Петербург в истории русской культуры», прочитанной в нашем университете 19 мая 1993 года, академик показывает влияние на облик Петербурга древнерусских архитектурных традиций. Они обнаруживаются прежде всего в наиболее старых постройках города: планировке здания «Двенадцати коллегий», сводах Меншиковского дворца («там псковские и новгородские своды») и др. Петровское барокко даже при наличии европейских влияний не смогло бы так быстро сформироваться, если бы оно не было подготовлено предыдущим, почти вековым периодом развития русского зодчества. Интересно, что влияние русских традиций на зодчество сказывалось и в том случае, если непосредственными руководителями строительства, архитекторами были иностранцы. Большинство иноземных зодчих сами изменяли творческую манеру под влиянием русских мастеров.

Русский характер придавали Петербургу церкви, которые строились в национальном стиле. Еще одной чертой, роднящей Петербург со старинными русскими городами, было, по Лихачеву, наличие гостиных дворов, характерных «для Архангельска, Новгорода, Костромы, Ярославля, Калуги...»¹⁷. Влияние древнерусских традиций, разумеется, не ограничивалось только архитектурой. «Древнерусские культурные традиции, — отмечал академик, — живут в Петербурге и в письменности, преимущественно старообрядческой, и в музыке преимущественно церковной...»¹⁸.

Переплетение в петербургской культуре древнерусских и западноевропейских традиций роднило ее с культурой древнего Новгорода. В работе «О русской интеллигенции» ученый отмечал: «Европа торжествовала при Петре в России. потому, что в какой-то мере Петру удалось восстановить тот путь "из варяг в греки", который был прерван в России татаро-монгольским игом, и построить у его начала Петербург»¹⁹. Именно путь «из варяг в греки» являлся в Древней Руси не просто торговой артерией, но и путем «распространения культуры», важнейшим же центром на этом пути был Новгород²⁰.

«На самом деле Россия — это никакая не Евразия, — писал он в работе «О русской интеллигенции», — <...> Россия — несомненная Европа по религии и по культуре»²¹. В этой же работе ученый подчеркивал: «Россия по своей культуре отличается от стран Запада не больше, чем все они различаются между собой: Англия от Франции или Голландия от Швейцарии. В Европе много культур»²².

Отрицая постулаты «евразийства», Д.С. Лихачев был, конечно, далек от того, чтобы отрицать влияние на формирование Петербурга культурных традиций неевропейских стран: «Петербург — город общемировых культурных интересов, — подчеркивал ученый, — это отразилось и в его внешнем облике: на берегу Большой Невы стоят египетские сфинксы, китайские ши-цы и античные вазы. Кстати сказать, это характерная черта не только Петербурга, но и Рима, и Парижа, и Лондона — центров мировой культуры. И это очень важная черта нашего города»²³. Становление петербургской культуры, по мнению Д.С. Лихачева, вовсе не предполагало слепого копирования чужеземных образцов, формального соединения разнородных элементов, но являлось результатом творческой переработки чужого, его изменения применительно к русской специфике.

Что же касается мифа о «чужеродности» Петербурга для России, об отсутствии связей между петербургской культурой и русскими национальными традициями, то подобный взгляд был во многом создан самим царем-реформатором, который, говоря словами Д.С. Лихачева, хотел и умел «придать демонстративный характер не только своей собственной фигуре, но и всему тому, что он делал»²⁴. Поясняя причины целенаправленного создания Петром I подобной легенды, Д.С. Лихачев отмечал: «Раз необходимо было большее сближение с Европой, значит надо было утверждать, что Россия была совершенно отгорожена от Европы. Раз надо было быстрее двигаться вперед, значит необходимо было со-

здать миф о России, косной, малоподвижной и т. д. Раз нужна была новая культура, значит старая никуда не годилась»²⁵.

Отодвигая столицу к рубежам державы, Петр I, по мнению Д.С. Лихачева, следовал древней традиции. Академик приводит целый ряд исторических примеров, опровергающих мнение об абсолютно нетипичном географическом положении Петербурга: «Характерно следующее: стремление русских основывать свои столицы как можно ближе к границам своего государства. Киев и Новгород возникают на важнейшем в IX–XI вв. европейском торговом пути, соединявшем север и юг Европы – на пути "из варяг в греки". <...> А затем, после татаро-монгольского ига, как только открываются возможности торговли с Англией, Иван Грозный делает попытку перенести столицу поближе к "морю-окиану", к новым торговым путям – в Вологду...»²⁶

Интересно, что для Д.С. Лихачева был неприемлем не только тезис о «нерусскости» Петербурга, но и мнение о том, что он является слепком с западноевропейских образцов: Петербург является необычным городом, который не только «чрезвычайно европейский и чрезвычайно русский», но и в силу этого «отличается и от Европы, и от России»²⁷. Даже внешне Петербург не похож на западноевропейские города, которые формировались в Средние века на территории, ограниченной крепостными стенами.

Петербург возник в совершенно другую эпоху, нежели старинные города Западной Европы, и облик его иной. Коль скоро реформы Петра ознаменовали переход русской культуры «от средневекового типа к типу Нового времени»²⁸, то и Петербург строился в первую очередь, как город Нового времени. Он появился в эпоху, для которой в высшей степени был характерен культ разума, рационализма, знания. Петербург возводился по четкому плану. Принадлежность Петербурга к Новому времени выразилась также в том, что он изначально планировался и создавался как научный центр и центр просвещения. Именно «просветительская» роль Петербурга, по убеждению Д.С. Лихачева, определила существенные черты его культуры. Здесь необходимо отметить, что Дмитрий Сергеевич, высоко оценивая достижения древнерусской культуры, указывал одновременно на «отсутствие на Руси университетов и вообще высшего школьного образования»²⁹.

С ролью города на Неве как крупнейшего, особого центра науки и просвещения связана, по мнению Д.С. Лихачева, такая черта петербургской культуры как академизм. Здесь формируется особая «склонность к классическому искусству, классическим формам», что «проявилось как внешне в зодчестве... так и в существе интересов петербургских авторов, творцов, педагогов и т. д.»³⁰. В Петербурге все основные европейские и мировые стили приобретали классический характер. Классицизм с его четкостью, ясностью и содержания и формы закономерно обусловил такую неотъемлемую черту петербургской культуры, как профессионализм, который пронизывает и науку, и искусство, и даже общественно-политическую деятельность.

По мнению Д.С. Лихачева, не случайно именно в Петербурге появился и кристаллизовался особый, в ряде отношений высший «продукт» мировой культуры – интеллигенция. По мысли ученого, интеллигенция явилась уникальным результатом зрелости европейской духовной традиции и, одновременно, явлением, которое закономерным образом сформировалось именно на российской почве. Для появления интеллигенции, по мнению Д.С. Лихачева, «нужно было соединение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением»³¹. Интеллигент, по Д.С. Лихачеву, это совестливый человек, обладающий образованием и интеллектуальной свободой³². В России в условиях деспотизма такая свобода принимает черты «тайной», о которой писали А. Пушкин и А. Блок. Высказывать свои мысли опасно, но скрывать их невозможно, непереносимо для подлинного интеллигента.

Дмитрий Сергеевич не без оснований считал интеллигенцию именно русским явлением: «Постоянное стремление к свободе, – писал он, – существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуально свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше (или она минимальна)»³³. Общественно-политический климат России закалил носителей интеллектуальной свободы, сделал их подлинными интеллигентами.

Петербург таким образом оценивается Д.С. Лихачевым как своего рода вершина российско-европейско-мирового культурного развития. Петербургская культура вобрала в себя лучшие черты российской культуры как «европейская, универсальная культура; культура, изучающая и усваивающая лучшие стороны всех культур человечества»³⁴. В итоге – величие Отечества, воплощенное и в Петербурге, как одной из вершин мировой культуры, и в формировании уникального социально-культурного феномена – интеллигенции. Отсюда же и взлет науки, культуры, образования. При таком понимании хода исторического развития оригинальность русского менталитета может быть представлена в существенной своей части как высшая форма развития европейского духовного начала. «Россия – несомненная Европа по религии и культуре. В культуре ее не найти резких различий между Петербургом и Владивостоком», – писал ученый.

По Лихачеву, наша сила – в нашей культуре. «Россия – великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Эта «великость» России не может вызывать враждебности к ней. Напротив: великая культура примирительна по своей сути», – говорил Дмитрий Сергеевич в ходе наших университетских дискуссий.

Знаменитый спор «западников» и «славянофилов», как известно, сводился к ответу на вопрос: какое направление должна избрать наша страна в своем грядущем развитии? В плане культуры лихачевский ответ очевиден: европейское. А вот в плане политики он может быть совсем иным. В этой связи весьма интерес-

но сопоставить взгляды Д.С. Лихачева и Л.Н. Гумилева. По сути, расхождения между Лихачевым и Гумилевым заключались в том, что Лихачев смотрел на Россию с точки зрения закономерностей культурного развития, а Гумилев – с позиций этногенеза (закономерностей развития этноса).

По мнению Гумилева, подлинной проблемой для России являются не контакты с Западом сами по себе, а то в каком состоянии развития Россия на эти контакты выходит. В момент, когда стараниями М.С. Горбачева концепция «общечеловеческих ценностей» приобрела в СССР особый идеологический статус, Гумилев заявил, что все разговоры о приоритете общечеловеческих ценностей наивны, но не безобидны. Поскольку человечество пока не превратилось в единый этнос, России, по сути дела, предлагается отказаться от собственных ценностей в пользу чужих.

По Гумилеву, примером поведения для нас здесь является гений Александра Невского, который уберег зарождавшуюся Россию в ранней фазе ее становления. Великий князь оказался перед трагическим выбором: с кем быть – с Ордой против Запада или наоборот? И принял верное решение. Монголы были вполне веротерпимы – толерантны, а рыцари ордена – нет. И современный Запад в отношениях с Россией пока проявляет свою суть не в декларациях демократии и строительства «общевероятского дома», а посредством конструируемой железной рукой политики двойных стандартов.

Разумеется, общечеловеческие ценности существуют. Но пока – как некий идеал, содержащийся в пластиках мирового историко-культурного развития. Пытаясь их принять в качестве практической основы своей политики, Россия потерпела неудачу: те страны, к содружеству с которыми мы стремились, как оказалось, на деле эти ценности вовсе не исповедуют.

Конечно, при жизни Дмитрия Сергеевича эти реалии не обозначались еще столь очевидно, не все надежды российских реформаторов на быстрое взаимопонимание с Западом были разрушены. Но Лихачев не был наивным человеком. Ему принадлежит удивительное размышление о борьбе культуры с дикостью на протяжении всей человеческой истории. Развитие культуры осуществляется через хаос к гармонии, через просветление высшего смысла, возрастание организованности культурных форм, увеличение сектора свободы, взращивание личностного, гуманистического начала.

Это – не линейный, не поступательный процесс. Культура как бы «прорастает» через дикость. Ее выталкивают, а она все равно прорастает. В результате происходит исторический отбор и развитие всего самого лучшего. А лучшее для Лихачева – в значительной степени синоним гуманного. Таким образом, в отличие от биологического естественного отбора (по Дарвину), отбор лучшего в культуре (по Лихачеву) протекает совсем по иным законам.

Итак, культура задает нам идеалы, к которым надо стремиться. И работы Лихачева могут помочь современной России обрести такой вектор стремлений.

Примечания

- ¹ Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. (Почетные доктора Университета).
- ² Лихачев Д.С. Предисловие // Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. С. 7.
- ³ Лихачев Д.С. Язык указов мне глубоко чужд // Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 97.
- ⁴ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. 3-е изд. СПб.: Наука, 1998. С. 10.
- ⁵ Там же. С. 176.
- ⁶ Там же. С. 177.
- ⁷ Там же. С. 178–179.
- ⁸ Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 196.
- ⁹ Лихачев Д.С. Избранное. Великое наследие. Классические традиции литературы Древней Руси. СПб., 1997. С. 30–31.
- ¹⁰ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. СПб., 1998. С. 18.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 19–33.
- ¹³ Лихачев Д.С. Избранное. Великое наследие. Классические традиции литературы Древней Руси. СПб., 1997. С. 193.
- ¹⁴ Лихачев Д.С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 166.
- ¹⁵ Там же. С. 168.
- ¹⁶ Лихачев Д.С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 263.
- ¹⁷ Там же. С. 263.
- ¹⁸ Там же. С. 264.
- ¹⁹ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 379.
- ²⁰ Там же. С. 384–385.
- ²¹ Там же. С. 384.
- ²² Там же.
- ²³ Лихачев Д.С. Петербург в истории русской культуры // Д.С. Лихачев – Университетские встречи: 16 текстов. С. 16–17.
- ²⁴ Лихачев Д.С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 165.
- ²⁵ Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире // Там же. С. 191–192.
- ²⁶ Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 195.

- ²⁷ Лихачев Д.С. Петербург в истории русской культуры // Д.С. Лихачев. Университетские встречи: 16 текстов. С. 15.
- ²⁸ Лихачев Д.С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 168.
- ²⁹ Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 206.
- ³⁰ Лихачев Д.С. Петербург в истории русской культуры // Д.С. Лихачев. Университетские встречи: 16 текстов. С. 17.
- ³¹ Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 379.
- ³² См. подробнее: Запесоцкий А. С. Последний российский интеллигент: к 100-летию со дня рождения Дмитрия Лихачева // Огонек. 2006. 20–26 нояб. (№ 47). С. 14–15.; Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев и русская интеллигенция // Нева. 2006. № 11. С. 129–140.
- ³³ Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 371.
- ³⁴ Лихачев Д.С. Культура как целостная среда // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 361.